

© 2004 г. А. МУСТАЙОКИ, М. КОПОТЕВ

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЭКВИВАЛЕНТОВ СЛОВА ТИПА ПОТОМУ ЧТО, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ, К СОЖАЛЕНИЮ

К рассмотрению вопроса, вынесенного в заглавие этой статьи, нас привели не теоретические рассуждения, а чисто практические цели. Мы столкнулись с этой проблемой, составляя классификационную схему обработки материала для Аннотированного корпуса русского языка ХАНКО/HANCO" (см [Копотев, Мустайоки, в печати]). Корпусная лингвистика заставляет взглянуть на многие проблемы с точки зрения, отличной от традиционного описания языка, позволяющего нетотальный охват материала и иногда даже непоследовательное употребление классификационных критериев. Единицы, о которых пойдет речь в настоящей статье, плохо вписываются в системные, уровневые подходы к описанию материала, поэтому они хотя и не отрицались, но выпадали из сферы интересов русистики второй половины XX века. Если в традиционных лингвистических описаниях мы можем довольствоваться тем, что, например, *так как* является, с одной стороны, словом, а с другой, – состоит из двух слов, то при компьютерной обработке такая непоследовательность недопустима. В связи с этим при составлении ХАНКО мы создали для языковых единиц такого рода особый "ярус" рассмотрения, который позволяет поиск как однословных, так и многословных единиц. Однако это чисто техническое решение не должно уводить от обсуждения собственно лингвистической проблематики, связанной с подобными единицами. Цель настоящей статьи – поставить вопрос о лингвистическом статусе многокомпонентных эквивалентов слова и возможности их грамматического и лексикографического описаний.

Начнем с небольшого экскурса в область общеупотребительных лингвистических понятий СЛОВО и ПРЕДЛОЖЕНИЕ сохранили свое центральное положение как в лингвистических описаниях, так и в наивных представлениях людей о языке¹. Несмотря на многочисленные работы, ставящие под сомнение как терминологическое употребление лексемы СЛОВО, так и существование собственно лингвистического объекта, называемого словом, лингвистические исследования, как правило, не обходятся без этого термина. Многие грамматические описания даже разделяются на части, в которых рассматриваются явления, связанные с этими единицами; иногда (см., например [Русская грамматика 1989]) части так и называются "Слово" и "Предложение". С другой стороны, известно, что широкое употребление этих терминов не означает, что они четко и однозначно определены: нетрудно подобрать примеры, которые противоречат существующим определениям. Все это привело многих ученых к мысли о невозможности дать однозначное определение слову даже в рамках одного языка.

Если оценивать частотность лексем СЛОВО и ПРЕДЛОЖЕНИЕ, то СЛОВО гораздо употребительнее и в научных работах, и в "народной лингвистике". Благодаря

¹ Этот факт обычно не выражается эксплицитно лингвистами, однако известный психолог А.Р. Лурия [1979: 47] отмечает, что слово – "основной элемент языка", а предложение – "основной элемент речи". И.Б. Левонтина [2000: 290], с другой стороны, пишет, что концепт *слово* – это квинтэссенция "наивной лингвистики", то есть того представления о языке, которое человек не выучивает в школе, а неосознанно воспринимает из самого языка.

широкой гамме разных значений² оно превышает по частоте употребления все остальные метаязыковые имена (ср [Арутюнова 2000 15]) Однако определяя его строго лингвистически, мы сразу сталкиваемся с трудностями³

Для иллюстрации этой сложности приведем очевидные случаи, которые выявляют противоречия в описании объектов, называемых "словом":

- 1) *во дворе*,
- 2) *рок-музыка*;
- 3) *дом-музей дома-музея*;
- 4) *никто ни у кого*.

В примере (1) два 'слова' сливаются при произношении в одно фонетическое слово, в примере (2) приведено одно "слово" с точки зрения словарного представления, но с учетом двойного ударения и отсутствия редукции гласного в первом слоге однословная интерпретация установится не такой очевидной, в примере (3) однословность нарушается морфологическими (словоизменительными) свойствами сложносоставного слова, в примере (4) одно "слово" разделяется на две части, если оно употребляется с предлогом. Спрашивается, имеем ли мы дело во всех этих случаях с одним словом, с одной языковой единицей или более чем с одним словом, более чем с одной языковой единицей?

Кроме отмеченных случаев понятие "слово" как таковое допускает принципиально разные интерпретации. В истории лингвистики это обстоятельство привело к тому, что были введены более дифференцированные понятия "лексема" (в традиционном понимании, совокупность всех форм и значений одного слова); "словоформа" (отдельная форма лексемы), "словоупотребление" (конкретное употребление какой-либо словоформы в речи/тексте); "текстоформа" и "лемма" (аналоги "словоформы" и "лексемы" при машинной обработке текста)⁴. Несмотря на наличие более узких по своему значению понятий, термин "слово" все еще нередко используется даже в тех случаях, когда было бы уместнее употреблять более точный термин. Например, в предисловиях большинства словарей русского языка объем словника, как правило, определяется в словах, хотя речь чаще всего идет о лексемах или вокабулах.

Рассматриваемые нами единицы русского языка, а именно *потому что*, *в течение* и подобные, являются "большими", чем слово, но "меньшими", чем словосочетание. По выполняемой в предложении функции это – аналоги лексемы

Исторический очерк изучения эквивалентов слова

На особенность рассматриваемой группы обращал внимание еще В.В. Виноградов в 30-е годы прошлого века. По-видимому, впервые эквивалентами слова В.В. Виноградов называет их в работе "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке" (1947 г.) [Виноградов 1947: 351]. В знаменитом компендиуме "Русский язык. Грамматическое учение о слове", рассматривая морфологический состав предлогов,

² Согласно И.Б. Левонтиной [2000 290–292], лексема *слово* имеет в современном русском языке восемь основных значений, а С.В. Дегтев и И.И. Макеева [2000 157–161] обнаруживают в древнерусском языке 35 различных значений лексемы *слово*, часть из которых сохраняется до настоящего времени

³ Как известно, уже Ф. де Соссюр отмечал "двойной смысл, характерный для термина *слово* со всеми присущими ему неустраняемыми недостатками" [Соссюр 1990 163, курсив Ф. де Соссюра]. В.М. Жирмунский [1963 6] писал: "Слово это основная единица языка. Между тем определение слова и установление его границ представляет большие трудности" (см. еще статьи И.Е. Аничкова, В.З. Панфилова, И.П. Ивановой, А.А. Леонтьева, С.Е. Яхонтова и др. в этом же сборнике [Морфологическая структура 1963], формальное определение слова в [Кузнецов 1964] и выделение двух основных значений слова, *и слова*, в [Мельчук 1997 96–349])

⁴ Кроме упомянутых терминов, употребляется и термин "вокабула" (см., например [Вардуль 1965 22, Мустайоки 1980 146, Мельчук 1997 346–347]). Напомним, что в работах Московской семантической школы термин "вокабула" (набор всех связанных значений) противопоставлен *лексеме* (лексическая единица, имеющая ровно одно значение)

он выделяет, кроме неизменяемых, наречных, отыменных и отглагольных предлогов, и сложные типы предложных словосочетаний", приводя примеры типа *независимо от, в отношении к, согласно с, вслед за, несмотря на* [Виноградов 1986 557–560]. На основе устойчивости данных сочетаний В.В. Виноградов разделяет их на две категории: Если в них не стерлись лексические значения составных элементов, то приходится рассматривать их как сложные фразеологические единства; если же компоненты срослись в неразложимое целое, можно говорить о предложных идиоматизмах' [Там же 559]. Для темы настоящей статьи существенно отметить, что на закрепленные в узусе отыменные предлоги типа *по мере, с помощью, в течение, по причине* В.В. Виноградов не обращает особого внимания, перечисляя их вместе с однословными отыменными предлогами типа *посредством, ввиду, насчет, вроде*.

Вопросы, связанные с комплексом проблем, поставленных В.В. Виноградовым, рассматриваются в работах В.П. Сухотина [Сухотин 1950], А.И. Смирницкого [Смирницкий 1952 1954], В.Н. Ярцевой [Ярцева 1955] и др., в которых "эквивалент слова" если и не получает статуса термина, то закрепляется в лингвистическом узусе. Особое место в ряду этих работ занимает статья М.В. Панова [Панов 1956], в которой выделение слова в качестве отдельной языковой единицы ставится в прямую связь со степенью идиоматизации его составляющих. Слово – минимальная значимая единица языка, вступающая в свободные сочетания – отмечает исследователь [Панов 1956 163], и, следовательно, единицы, связанные в своем употреблении (будь то суффикс *-тух* в *настух* или часть фразеологизма *зги в не видно ни зги*), являются лишь частями более крупных единиц – слов.

Вторая волна интереса к многокомпонентным единицам была инициирована серией конференций, организованных в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (см. особенно [Морфологическая структура слова 1963] и [Аналитические конструкции 1965]). Одной из тем указанных конференций (а для конференции 1965 года – ведущей) стали аналитические конструкции. Отметим, что при всей важности поставленных в статьях указанных сборников проблем многокомпонентные незначительные конструкции не стали предметом особого рассмотрения. Известно, что указанные работы заложили основы для активно развивающейся области лингвистических исследований – фразеологии (ср. [Телия 1996]).

Фразеология как учение об устойчивых сочетаниях, функционирующих в роли полнозначных лексем, стала во второй половине XX века самостоятельной и активно развивающейся дисциплиной, а изучение аналитических форм слова закрепило свое место и в типологических, и в дескриптивных работах, тогда как изучение сложных по составу служебных слов так и не стало предметом многочисленных штудий, и – особенно – теоретического осмысления. До сих пор существуют лишь отдельные исследования этого вопроса.

Так, относительно хорошо разработана проблематика союзов – эквивалентов слова [Колосова, Черемисина 1987а; 1987б; Ляпон 1988а]. Т.И. Колосова и М.И. Черемисина обращают внимание на так называемые "скрепы", или слова, выполняющие союзные функции в предложении. Некоторые единицы этой группы (*потому что, так как, несмотря на то что* и др.) являются многокомпонентными, за ними закрепляется термин "функции".

"Функтивы – единицы одновременно и лексического, и грамматического фонда. Они лексичны, поскольку характеризуются относительно устойчивым строением, единой семантикой и представляют собой такое же единство планов выражения и содержания, как и обычные слова. < > Они грамматичны, поскольку их назначение состоит в оформлении связей между компонентами синтаксических конструкций, т.е. они являются грамматическими показателями связей" [Колосова, Черемисина 1987б 19].

Предлагая в монографии [Колосова, Черемисина 1987б 136–180] структурную классификацию скреп, авторы закладывают основу для систематизации союзов – эквивалентов слова. По мнению ученых, необходимо определить статус подобных еди-

ниц, их отношение к обычным типам фразеологизмов, определить их частеречный статус, их отличие от одноместных союзов

Близкая по объекту исследования статья Ляпон [1988а] посвящена релятивной лексике (прежде всего союзам, а также частицам, наречиям и модальным словам, функционирующим в роли квалификатора отношений). Объектами наблюдения в указанной статье становятся не только такие единицы, как *если то, конечно но, едва как*, но и *не успел . как, достаточно чтобы* и др.

М.В. Ляпон отмечает неразработанность проблемы идиоматизации служебной лексики ссылаясь в то же время на теоретическую сложность исследования подобных явлений В работе указывается, что служебные фразеологизированные единицы занимают особое положение в системе языка, оставаясь на грамматическом уровне абстракции и участвуя в образовании особых "синтаксических фразеологизмов", "фразеосхем". В этом, по мнению автора, их принципиальное отличие от лексических фразеологизмов.

Из других работ, посвященных сложным союзам, назовем [Ляпон 1988б; Жаринова 1989, Скрипникова 1995, Кузнецова 1997]

В работе А.А. Лучик [1999] предлагается классификация наречных эквивалентов слова, построенная на основе структурных схем словосочетания в рамках концепции "Русской грамматики" 1980-го года. И хотя в работе подробно не обсуждается вопрос о статусе и принципах выделения подобных эквивалентов слова, автор приводит 40 базовых моделей, самыми представительными из которых оказываются модели с начальным предложным компонентом (*вне очереди, во всеуслышание* и др.), затем следуют модели с начальным компонентом наречием (*просто так*), местоимением (*чего ради*), частицей (*не спеша*), союзом (*и все*), междометием (*ой как*).

Особо необходимо отметить статью [Mel'čuk 1995], в которой автор предлагает типологию фразеологизмов, проявляющихся на трех уровнях языковой системы, – лексемном, морфологическом и синтаксическом. И.А. Мельчук [Mel'čuk 1995: 217–218] предлагает четыре основные линии для описания всех типов фразем.

- участие прагматических факторов в процессе фразеологизации связанные с внеязыковой ситуацией прагматемы (*срок годности*, англ. *best before*) vs семантические фраземы (*дутый авторитет, отбросить копыта*);

- языковая единица, которую затрагивает фразеологизация: словосочетание (*дутый авторитет*, англ. *red herring*), лексема (*настух* с аффиксом *-тух*)⁵, синтаксическая конструкция (напр., различающиеся просодией варианты предложения *Ты у меня почитаешь эту книгу*);

- компонент лингвистического знака, подверженный фразеологизации: означаемое (напр., *бить баклуши*), означающее (напр., супплетивные единицы в морфологии) или синтактика знака (напр., англ. *He sort of laughed*);

- степень фразеологизации: полные фраземы (*бить баклуши*, англ. *red herring*), полужфраземы (*дутый авторитет*), квазифраземы (англ. *ham and eggs*).

В настоящей статье нет возможности подробно анализировать систему исчислений, предложенную И.А. Мельчуком Отметим только, что комбинация указанных параметров дает $2 \times 3 \times 3 \times 3 = 54$ типа фразем, из которых с лексемным уровнем соотносится 18 типов.

Вовсе не обязательно, что в русском языке обнаружатся все типы связанных сочетаний, однако это исчисление может оказать существенную помощь при квалификации "служебных эквивалентов слов", которые собственно и являются предметом нашего рассмотрения В указанной работе И.А. Мельчук не рассматривает специально служебные части речи, но из приведенных примеров следует, что служебная

⁵ Подробнее о морфологической фразеологизации см [Мельчук 2001: 447–460]

лексика включается исследователем в область анализа, подчиняясь общим правилам фразеологизации и относясь, теоретически, к какому-нибудь из указанных классов

Суммируя сказанное, можно отметить, что эквиваленты слова уже несколько десятилетий входят в круг интересов русистов. Более полувека тому назад была начата разработка этих вопросов. Исследования по данной тематике (правда, не всегда с опорой на термин «эквивалент слова») продолжают и в наше время. Примечательно однако, то, что эти вопросы рассматриваются, как правило, с точки зрения отдельных групп слов без серьезных попыток дать теоретическое обоснование этому явлению и представить систематическое описание

Существующие словари эквивалентов слова

В русской лексикографической практике не существует эксплицированных критериев и ясных принципов выделения в словарные статьи подобных единиц⁶. Систематичное описание интересующие нас конструкции получили лишь в нескольких специализированных словарях. Рассмотрим основные из них.

Три издания словаря Р.П. Рогожниковой [Рогожникова 1983, 1991, 2003], очевидно, представляют собой первый в русской лексикографии опыт описания многокомпонентных единиц. В последнем издании «Словаря эквивалентов слова» [Рогожникова 2003] упоминается 1500 таких единиц, для которых приводятся частеречные характеристики, значение и иллюстрации.

«Словарь эквивалентов слова» [Рогожникова 1991] послужил одним из основных источников справочника «Русская служебная лексика (Сводные таблицы)» [Богданов, Рыжова 1997]. Однако в последнем материал дополнен сведениями из других словарей, а также из академической грамматики [РГ 1980]. Предисловие к книге С.И. Богданова и Ю.В. Рыжовой составлено так, что в нем ни разу не употребляется термин «эквивалент слова» или же какой-либо другой термин с этим значением. Собирательное название «русская служебная лексика» удачным образом покрывает и слова, и эквиваленты слов. Сходным образом составлено и предисловие книги «Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова»⁷ [«Объяснительный словарь» 2002], первое издание 1997) под редакцией В.В. Морковкина. В нем употребляются термины «слово» и «лексическая единица» в одном и том же значении. Каждой единице словаря приписывается принадлежность к соответствующей части речи, при этом повторяется традиционная для русской лексикографии ошибка *ignotum per ignotum*. Так, например, *к сожалению по всей вероятности* и *в самом деле* относятся к вводным словам при том, что в предисловии мы не найдем критериев для выделения этой нетрадиционной части речи⁸.

⁶ Необходимо отметить, что в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» [Мельчук, Жолковский 1984: 75–76] эксплицитно указано, что фраземы и лексемы являются равноуровневыми единицами описания. Статья И.М. Богуславского и Л.Л. Иомдина специально посвящена проблеме представления фразем и безусловных оборотов в ТКС [Богуславский, Иомдин 1982]. Однако в целом описание служебной лексики фрагментарно, а непосредственно в ТКС статей, посвященных служебной лексике, нет.

⁷ Как в «Объяснительном словаре» [2002], так и в словаре [Рогожникова 2003] приводятся достаточно обширные словарные статьи. Что касается принципа составления словарей, то отмечается существенное различие. В «Объяснительном словаре» [2002] нет наречий и слов категории состояния, поскольку они не входят в число структурных слов. Кроме того, словарь покрывает не только эквиваленты слова, но и однокомпонентные слова. «Объяснительный словарь» [2002] отличается также свойством, которое является редкостью в русских толковых словарях и которое особенно важно при рассмотрении эквивалентов слова: в нем систематически приводится произношение словарных единиц.

⁸ Впрочем, следует признать, что *de facto* выделение вводных слов как особой части речи можно найти в МАС, в БАС, в Грамматическом словаре А.А. Зализняка и во многих других словарях (см. об этом ниже).

Недавно вышедший "Толковый словарь служебных частей речи русского языка [Ефремова 2001] представляет собой, как кажется, первый опыт систематического и последовательного представления служебных единиц русского языка (к которым причислены наречия и предикативы, впрочем автор не претендует на пересмотр части речной классификации – такое положение вызвано скорее прикладными задачами) В словаре описано более 22 000 семантических единиц, часть из которых составляют "многословные образования" (более 2 000 единиц) И в этом состоит одно из оригинальных решений автора "Нетрадиционность состава словника проявляется в наличии в нем в качестве самостоятельных заголовочных единиц 1) предложно-падежных конструкций, 2) лексических единиц, состоящих из более чем одного слова, но семантически эквивалентных ему, а также 3) слов, образовавшихся в результате перехода единиц из одной части речи в другую" [Ефремова 2001: 6] К сожалению, в предисловии к словарю специально не обсуждаются критерии выделения сложных единиц, но в общем случае включенные в словарь единицы не вызывают возражений

Подытоживая изложенное, можно сказать, что класс рассматриваемых языковых единиц – именуемых или не именуемых эквивалентами слова – заслужил определенное внимание русских лексикографов В то же время необходимо признать, что в распространенной лексикографической практике эквиваленты слова, как правило, не считаются единицами, заслуживающими выделения в отдельные словарные статьи Однако поскольку составление словарей требует систематизированной подачи языкового материала, этот вопрос так или иначе решался составителями словарей В нашем распоряжении имеются разные классификации словосочетаний такого типа, а также конкретные списки языковых единиц Однако следует отметить, что речь идет главным образом о специализированных словарях, в основном о толковых словарях русского языка (БАС, МАС), где эти словосочетания не получили систематического и последовательного описания⁹

Основные классы эквивалентов слова

Опишем кратко основные группы эквивалентов слова, отмеченные в данных словарях, взяв за основу частеречную классификацию¹⁰

По нашим подсчетам, самая многочисленная группа среди эквивалентов слова – это **наречия** (свыше 500, по данным Р. П. Рогожниковой [2003], и более 1500, по данным Т. Ф. Ефремовой [2001]) Среди них можно выделить следующие группы

- (neg) + предлог + существительное *без следа, вне очереди, для интереса до смерти, из любопытства из-за рубежа, из-под мышки, от руки, со стороны, к месту по выбору в заключение, за полночь, на дом, под конец, между прочим с лишним в гостях, за границей, на днях, не по адресу, при случае,*
- (neg) + предлог + прилагательное / местоимение / числительное + существительное *в равной мере, по крайней мере, до сих пор в свою очередь, в то же время в самом деле по всей вероятности ни в коем случае в первую очередь,*
- (neg) + предлог + местоимение *у себя, про себя, при этом,*

⁹ Для сравнения отметим, что богатая английская лексикографическая традиция представляет поучительную и интересную параллель В основных словарях английского языка данный вопрос решен уже достаточно давно По определенным правилам они или выделяются в отдельную статью, или включаются в словарные статьи входящих в выражение слов [OED 1989 I xxx–xxxii] Примером может служить конструкция *in and out* [OED 1989 VII 772]

¹⁰ В своем словаре Р. П. Рогожникова [2003: 16] различает эквиваленты слова, принадлежащие определенной части речи (наречия, предлоги, союзы, частицы, междометия) и аналоги наречий, предлогов, союзов, частиц, междометий, местоимений Так по ее мнению в деле – предлог, а в адрес – аналог предлога Вообще, как легко можно понять, списки единиц и их распределение по частям речи у авторов словарей немного различаются

- местоимение / числительное + существительное *все время, всякий раз, сию секунду, каким образом, первый раз, одним словом,*
- сочетания с вопросительно-союзными словами *где угодно, куда попало, кто куда, чего ради сколько хочешь, как всегда, как минимум, как ни странно, как никогда, как нельзя, как следует, мало где;*
- сочетания с формами сравнительной степени. *более того, не более,*
- другие: *все еще, все равно, просто так, так же, не раз, шутка ли, при чем тут, так или иначе, как правило, главным образом, время от времени, в конце концов, судя по всему, не ахти, вот так, еще раз, только что, вместе с тем, вот так вот, раз и навсегда тому назад тем самым.*

Предлогов – эквивалентов слова свыше 300, по данным Р. П. Рогожниковой [2003], и около 200, по данным Т. Ф. Ефремовой [2001]. По всей видимости, они, наряду с союзами, представляют прототипичный случай эквивалентов слова. И если при описании наречий эта проблема часто игнорируется, поскольку в грамматиках не приводятся исчерпывающие списки наречий, то предлоги и союзы русского языка невозможно адекватно описать без упоминания эквивалентов слова. Как представляется, предлоги – эквиваленты слова разделяются по образованию на достаточно четкие группы:

- предлог + существительное *от имени, по вине, в знак, в течение, во время, на смену, за исключением, с помощью, в конце, в результате, во главе, на основе, при условии,*
- предлог + существительное + предлог *по отношению к, по сравнению с, в отличие от, в зависимости от, в связи с,*
- наречие + предлог: *недалеко от, незадолго до, вслед за, рядом с;*
- (пег) + дееспричастие + (предлог) *несмотря на, судя по, исходя из, начиная от, не считая*
- другие *не без, с точки зрения*

По данным Р. П. Рогожниковой [2003], **союзов** – эквивалентов слова приблизительно столько же, сколько и предлогов (в [Ефремова 2001] – около 300). По своей словообразовательной структуре они составляют весьма пестрый набор. Приведем некоторые типовые случаи (для наглядности возможные запятые в конструкциях пропущены)

- конструкции с *что*: *потому что, благодаря чему, вследствие чего, в результате чего, прежде чем*
- конструкции с соотносительным *то* и союзом *что* / *чтобы* / *как* *для того чтобы из-за того что между тем как, благодаря тому что, вследствие того что мало того что в отношении того что / в том отношении что, по той причине что по мере того как, в результате того что, за исключением того что, независимо от того что судя по тому что;*
- конструкции с *это* / *то*: *при этом, между тем, сверх того, к тому же, тем более (а) тем не менее более того,*
- конструкции с *ни* *кто ни, где ни, как ни, когда ни, где бы ни, сколько бы ни,*
- конструкции с *бы* (как) *будто бы, (как) если бы, хоть бы, вроде бы, лишь бы лишь бы только,*
- временные конструкции с *как* / *пока* *в то время как, до того времени как, с тех пор как, до тех пор пока, пока не;*
- двойные союзы *чем . тем, сколько . столько и.*

Частиц – эквивалентов слова немного меньше, чем союзов и предлогов. Они представляют собой многообразные сочетания единиц, не поддающиеся классификации. Вот некоторые примеры: *а вот и, ай да, все же, ан нет, вроде как, разве что, да уж, и без того, как бы, как раз, тем не менее, едва не, мало ли, ну вот и, так или иначе, отнюдь не, без того, уж и, что бы.*

В классификации частей речи **междометия** занимают периферийное положение. Но интересно отметить, что, согласно нашим источникам, существует и целый ряд междометий – эквивалентов слова. Некоторые примеры: *ах ты, ай да, ну то-то ж, ах вон оно что, на вот, вот как, да ну, так вот что, вот так да, вот это да, вот тебе и на, чего там, нечто вроде, надо же, не за что, да здравствует, до завтра, на здоровье, всего доброго*.

В отличие от грамматических описаний других языков, положение **местоимений** в классификации частей речи русского языка вызывает разные толкования. Если относить местоимения к самостоятельной части речи, то на включение в этот разряд претендуют конструкции, состоящие из более чем одного слова. Их количество невелико

- в конструкции два склоняемых слова: *тот или другой, то же самое, один и тот же*;
- часть конструкции изменяется, часть – нет: *кто попало, что угодно, что хочешь, мало кто, друг друга*¹¹;
- несклоняемые слова: *между собой, своего рода, такого рода, подобного рода*
- Для полноты классификации отметим отсутствующие в указанных словарях местоимения, которые состоят из более чем одного слова только в формах косвенных падежей с предлогом: *кое-кто, кое у кого, никто ни с кем*¹²

Если для большинства единиц Р.П. Рогожникова находят соответствующие частеречные характеристики, то в целом ряде словарных статей приведены лишь квазиклассификации. Большую группу составляют "слова, выступающие в синтаксической функции сказуемого", по терминологии Р.П. Рогожниковой. По всей видимости, речь идет о словах **категории состояния**, или предикативах. Таких эквивалентов слова у нее почти 50 (в [Ефремова 2001] – больше 250). Вот некоторые примеры: *не грех, к лицу, по силам, не по дороге, в радость, не под силу, между нами, в моде, не в состоянии, на уровне, не для чего, не к чему, не по себе, при чем тут, проще всего*.

Вторую еще более многочисленную группу составляют эквиваленты слова, употребляемые в функции **вводного слова**: *в сущности, к сожалению, к счастью, с другой стороны, как ни странно, если не ошибаюсь, собственно говоря, по всей вероятности, как назло, одним словом*. Отметим, что словарь [Ефремова 2001], основанный на более четких исходных принципах, исключает подобные характеристики. Все слова указанной группы отнесены к определенным частям речи.

Кроме этих традиционных для русской лексикографической практики групп слов, Р.П. Рогожникова выделяет эквиваленты слова, которые употребляются в роли вводной конструкции (*к счастью, в частности, как говорится*), соотносительного слова (*по поводу того, независимо от того, насчет того*), в роли союзного слова (*где бы ни когда ни*), и, наконец, "обороты речи" (*дело в том, речь идет о, в чем дело, тот факт что*). Кроме того, в указанном словаре отмечены эквиваленты слова, "не поддающиеся классификации по принадлежности к какой-либо части речи или по их синтаксической функции" и прочее, и так далее и тому подобное [Рогожникова 2003: 17] ср. [Объяснительный словарь 2002: 7].

Эквивалент слова: неупотребительный термин и неопределенное понятие

На основе приведенного материала можно сделать вывод, что единицы, именуемые эквивалентами слова, представляют собой не периферийное или второстепенное явление, а весьма распространенный тип, который, безусловно, нельзя игнорировать при описании русского языка. Несмотря на это, термин "эквивалент слова" или

¹¹ Интересно, что взаимно-возвратное местоимение *друг друга* отсутствует в [РГ 1980], но выделено в Краткой русской грамматике [Русская грамматика 1989: 210], что, безусловно, отражает неустойчивость квалификации (ср. еще [Зализняк 1967: 53]).

¹² Вероятно, речь здесь должна идти об аналитической форме лексемы *никто* и тому подобных (ср. [Зализняк 1967: 53]).

его синонимы практически отсутствуют в фундаментальных лингвистических описаниях. Конкретным доказательством непопулярности термина можно считать его полное отсутствие в огромном массиве текстов поисковой базы данных "Интегрум" (www.integrum.ru). Сделанные для сравнения поиски других не всеми признанных лингвистических терминов дали положительные результаты: "категория состояния" и "детерминант" представлены десятками примеров.

Еще более убедительным доказательством игнорирования термина "эквивалент слова" является то, что он не упоминается ни в основном словнике (который состоит из 700 терминов), ни в предметном указателе (свыше 2500 терминов) самого авторитетного справочника по русистике – энциклопедии "Русский язык" [1997]. Отсутствует он и в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" [ЛЭС 1991]. В редкости термина "эквивалент слова" мы также убедились, выступая перед весьма авторитетной аудиторией на заседании Грамматической комиссии Комитета славистов в августе 2002 года.

В то же время отсутствие четкой теоретической квалификации эквивалентов слова ведет к непоследовательному употреблению термина "слово". Так, в Русской грамматике [1989: 21] частям речи дается следующее определение: "это самые крупные грамматические классы слов" (подчеркивание наше. – А.М., М.К.). В описании отдельных частей речи мы находим уже другое толкование "слова". Так, предлоги и союзы разделяются на простые (или однословные) и составные (или неоднословные). Из этого выходит, что, например, *так как* является союзом и, следовательно, словом, но особым словом, которое состоит из двух слов.

Проблема размытости употребления термина "слово" привела к формулировкам, с помощью которых авторы стараются избежать непоследовательного употребления терминов. Для сравнения рассмотрим другое описание, авторы которого не попадают в терминологическую ловушку. Введение к книге русско-французского авторского коллектива под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара "Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания" [Дискурсивные слова 1998: 7] начинается так: "Предлагаемая вниманию читателя книга содержит описания тридцати шести единиц русского языка. <...> При выборе единиц мы руководствовались не столько четкими, заранее заданными критериями, сколько интересом участников проекта к отдельным словам и группам слов" (подчеркивания наши. – А.М., М.К.). Следующий абзац начинается: "Единицы, рассматриваемые в настоящем сборнике, мы называем дискурсивными словами". После этого во всей книге говорится о словах, к которым принадлежат не только лексемы *всего, опять, снова, именно, конечно* и др., но и *по крайней мере, еще раз, все равно, кроме того, как раз*.

Итак, после того, как мы представили положение словосочетаний типа *в течение* в современной научной традиции, мы готовы перейти к поиску решений, позволяющих более обоснованный и последовательный их учет при лингвистическом анализе.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

1. Эквивалент слова = слово

Итак, вернемся к положению, согласно которому данные конструкции считаются словами. Как было сказано выше, такое толкование никем не дается эксплицитно, но принятое в основных русских грамматиках описание частей речи имплицитно основывается на этой идее. Раз такая вольность, – даже если она допускается не мотивированно, а, так сказать, "по умолчанию", – не вызывает недоразумений и протестов у читателей лингвистических трудов, зачем требовать терминологической точности?

Поддержку этому можно найти в определении других лингвистических терминов. Так, одним из примеров может служить второе основное понятие лингвистики – "предложение". Его можно определить, следуя рекурсивному принципу: как пример (5), так и примеры (6–7) считаются предложениями.

5) *Нина читает.*

6) *Нина читает книгу.*

7) *Нина читает книгу детям.*

Такая аналогия, однако, не действует. Определяя предложения, можно сказать, что все примеры (5–7) обладают одними и теми же свойствами: они являются в одинаковой мере предложениями. Это не касается конструкций типа *в течение*. С функциональной и семантической точек зрения они, безусловно, соответствуют словам, но они не имеют существенного критерия определения слова, который часто служит опорой для языковой интуиции, – слитного написания¹³. Данный критерий при определении лингвистического термина может показаться неубедительным, поскольку правописание можно считать чисто внешней и, по сути дела, второстепенной стороной проявления языка (ср. [РГ 1980: 398]). Кроме того, решение вопросов культуры письменной речи находится под влиянием экстралингвистических факторов, вызванных вмешательством нормализаторских сил языкового общества. Несмотря на эти оговорки, для большинства носителей языка *во время* считается одним словом, а *во время* – двумя только из-за современной орфографической нормы. Историческую изменчивость "единооформленности" отдельных языковых единиц можно проиллюстрировать на примере союза *потому что*: было время, когда он состоял из трех слов (см. [Историческая грамматика 1979: 310–315]), сейчас он состоит из двух слов, и потенциально не исключено, что придет время, когда этот союз будет писаться слитно. Характерно, что запрос в поисковой системе Yandex дает почти 35 000 (!) случаев написания *потомучто*¹⁴. Подобная цифра не может не вызывать некоторые размышления о возможной эволюции письменной нормы.

Опора на орфографию соответствует пониманию среднего носителя языка, который, видимо, ответит на вопрос, является ли *потому что* словом, отрицательно. Если же спросить, является ли это выражение союзом, число положительных ответов сильно вырастет. В принципе мы могли бы игнорировать мнение неспециалистов, как обычно делается при создании научных терминов. Однако ответы специалистов-лингвистов в общих чертах такие же, что подтверждает и лексикографическая практика. Лингвисты могут дополнить свои ответы разными объяснениями и рассуждениями, но в целом взгляды, очевидно, совпадают: *потому что* считается союзом, состоящим из двух слов, но не словом. Более того, орфографическая и пунктуационная особенность оформления таких эквивалентов (*в течение, несмотря на, так как, потому что* и др.) отражает интуитивное стремление лингвистов и нормализаторов языка отделить подобные конструкции от сходных словосочетаний. Признав подобные комплексы самостоятельными лексическими единицами, можно более строго сформулировать и ряд орфографических и пунктуационных правил, например, "лексемы *в течение, в продолжение*, являясь предлогами, пишутся через *-е*"; "лексемы *так как, потому что* пишутся без запятой между компонентами союза" и т.д.

Итак, мы убедились в том, что расширение сферы употребления термина "слово" – неудовлетворительное решение данной терминологической проблемы. Обсудим другую возможность решения проблемы.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

II. Эквивалент слова как явление речи

Еще один возможный подход к решению проблемы основывается на том, что эквиваленты слова можно считать явлением не языка, а речи. Известно, что в современной лингвистике, особенно в ее когнитивном и функционально ориентированном направлениях, в последнее время получили развитие идеи о приоритете речи

¹³ Н.Д. Голев [1999: 98] пишет в этой связи об "орфографоцентристском языковом сознании носителей современного русского языка" (ср. [Лайонз 1978: 212]).

¹⁴ Конечно, большинство найденных примеров представляют "разговорный" вариант письменной нормы (дадим один из них, сохраняя орфографию: "*потомучто видно не особо много народу щас жаждет подключится, вот и получается так быстро...*").

над языком Основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления" [Гаспаров 1996: 104].

Предполагается, что языковые структуры – это продукт лингвистических построений, тогда как носитель языка в повседневной практике оперирует речевыми штампами¹⁵, актуализированными в его сознании в соответствии с частотностью их употребления в речи. Можно сказать, что речь представляет исследователю набор фрагментов, частью закрепившихся в языке, частью же находящихся в промежуточном положении между языком и речью. Их количество, по мнению ученых, сопоставимо с количеством лексических единиц "There are vast numbers of such memorized fixed expressions; these extremely crude estimates suggest that their number is about the same order of magnitude as the single words in the vocabulary. They are hardly a marginal component in our use of language" [Jackendoff 1995: 136].

В таком случае если и представлять процесс становления языковой системы, то можно говорить о постепенной "шаблонизации" определенных речевых выражений, их стабилизации в системе. При этом изучения заслуживают не только "речевые произведения" как это предлагали младограмматики, или – следуя структуралистской программе – не только структуры, закрепленные на том или ином уровне системы языка, но и такие промежуточные типы, "шаблоны", "штампы" (ср. [Телия 1996: 11–83]). Возможно, часть из них войдет в систему языка, вступив в отношения противопоставления с другими единицами, однако, по-видимому, часть из них так и останется в "подвешенном" состоянии. Эта промежуточность, тем не менее, не должна заслонять от нас самой необходимости изучать эти единицы, определять их статус и значение. Невозможно истолковать эти случаи как феномен речи, который не должен получать отражения при описании языка, то есть в грамматике и словаре.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что принадлежность рассматриваемых языковых конструкций к речевой сфере, с одной стороны, оправдана: действительно, они рождаются в потоке речи как слияние двух или более единиц. С другой стороны, этот факт не снимает необходимости адекватным образом описывать эти единицы в грамматиках и словарях. Мы считаем, что истолкование конструкций типа *потому что* только как явления речи не несет никакой эвристической ценности.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

III. Эквивалент слова как фразеологическая единица

Возможным способом выделения и классификации эквивалентов слова является применение инструментария, накопленного в области фразеологии самостоятельных частей речи (см. указанные работы В.В. Виноградова, В.Н. Телия, И.А. Мельчука и др.) Однако в сфере русской служебной лексики применение выдвинутых

¹⁵ Основной единицей анализа при таком подходе оказывается "коммуникативный фрагмент" [Гаспаров 1996: 116–142], "конструкция" [Fillmore, Kay 1993 и др.], "клише" [Jackendoff 1995]. Как известно, наиболее последовательно подход к анализу синтаксических построений, как более или менее идиоматичных конструкций разрабатывается в рамках Грамматики конструкций Ч. Филлмора (см. [Fillmore, Kay, O'Connor 1988, Fillmore, Kay 1993, 1999, Kay 1998], см. еще <http://www.constructiongrammar.org>). У нас нет возможности подробно описывать формализм Грамматики конструкций, обозначим лишь главную идею ученых: "The major motivation for Construction Grammar (CG) is the need to develop a system of grammatical description in which the marked constructions (more or less 'idiomlike' forms of expressions) are represented in the same formal system as the regular 'core' patterns or rules" [Kay 1998: 1].

учеными требований наталкиваются на серьезные трудности. При верности базового определения фраземы¹⁶ конкретные реализации достаточно своеобразны.

Как известно, основным классифицирующим признаком для служебных слов считается синтаксический, тогда как семантический критерий вторичен и не является в ряде случаев классообразующим (см. более подробно в следующем разделе статьи). В то же время в силу того, что основная функция служебной лексики именно реляционная, кажется, что фразеологизация проявляется не только на уровне взаимодействия единиц, входящих во фразему, но и распространяется на тот класс (или те классы) слов, реляцию между которыми осуществляют служебные единицы.

Рассмотрим некоторые примеры.

1. Ряд единиц представляют случаи фразеологизации, вполне укладывающиеся в предложенную И.А. Мельчуком схему.

Так, наречие *в лоб* (*спросить в лоб*) можно определить как полную семантическую фразему, поскольку значение прямо, однозначно¹⁷ не содержит нетривиальных сем, совпадающих с семами предлога В и существительного ЛОБ. С другой стороны, наречие *на попу* (*поставить что-либо на попу*) в значении 'на поверхность предмета, имеющую наименьшую площадь, вертикально' является полуфраземой, поскольку использует тривиальное значение предлога *на* – указание на направление движения.

К подобному классу полуфразем можно отнести и предлог *в порядке* (*взаимопомощи, критики, эксперимента* и т.д.) в значении 'в виде, в качестве', поскольку в указанном сочетании не реализуется ни одно из значений лексемы ПОРЯДОК (см. [МАС, 3: 310]). То же можно сказать и про предлог *в адрес* (*редакции, директора* и т.д.), реализующий значение 'объект/тема коммуникации' (*критика в адрес редакции* = *критика редакции*; ср. *критика в адрес редакции* и *направлять по адресу...*)

Однако существуют и другие случаи. Проанализируем лишь некоторые из них, чтобы показать реальную сложность проблемы.

2. *Только что* в значении 'непосредственно перед настоящим моментом'. Эту единицу можно рассматривать как полуфразему, в которой элемент *только* обладает тривиальным набором сем, а второй элемент *что* содержит "пустую сему" (см. [Mel'čuk 1995: 182]), сохраняя только синтаксическую конфигурацию (ср. *Он только что пришел* = *Он только* (= '*непосредственно перед настоящим моментом*') *пришел*). Однако кроме этого в конструкции *только что* лексема ТОЛЬКО способна реализовывать лишь одно из своих значений – временное (ср. *Он только что пел* и *Он только пел*). Наконец, в этой фраземе реализуется и сочетаемостное ограничение, потому что лексема ЧТО в свободном употреблении не сочетается с наречиями. Таким образом, фразема *только что* содержит три связанных компонента: значение времени в только, использование полувспомогательного что и нестандартное сочетание что с наречием. Все это позволяет нам отнести рассматриваемую единицу к двум типам фразем: семантическая (с двумя мотивировками) или сочетаемостная полуфразема.

3. Единица *не только... но и* интуитивно претендует на роль фраземы (один из возможных английских аналогов *not just [X] but also* приведен в [Mel'čuk 1995: 167] в качестве примера фраземы). С другой стороны, ее семантика вполне укладывается в сумму значений входящих компонентов:

- НЕ – квантор отрицания;
- ТОЛЬКО – указание на уникальность/выделенность объекта/действия/признака, к которому относится.

¹⁶ "Комплекс X, образованный из сегментных знаков X₁, X₂, ..., X_n, называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса (т.е. его означаемое, означающее или синтактика) не предоставим в терминах соответствующих компонентов знаков X₁, X₂, ..., X_n, в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих компонентов знаков X₁, X₂, ..., X_n" [Мельчук 2001: 448]

- НО – противительный союз;
- И – показатель эмфазы.

Кажется, что значение оборота *не только ... но и* не составляет ничего большего, как сочетание указанных смысловых компонентов. Однако более внимательный анализ показывает, что в этом случае существует одно ограничение, связанное с употреблением именно этой конструкции. Сравним:

8) **Работать не только необходимо, но и отдыхать*

9) *Необходимо не только работать, но и отдыхать.*

Как показывают указанные примеры, связанным при использовании союза *не только... но и* оказывается объект эмфазы в обеих частях синтаксической конструкции. Говоря грубо, элементы, которые попадают под выделение, должны принадлежать к одному синтаксическому классу. Отметим, что союз *но* в свободном употреблении не связан подобными ограничениями: *Надо было работать, но он все время думал о своем.*

Кроме того, указанный союз нивелирует противительное значение НО, приближаясь по семантике к сочинительному союзу И (ср. *Необходимо работать и отдыхать*).

Необходимо отметить, что связанное с конструкцией ограничение на сочетаемость существенным образом отличается от той, что мы находим в полуфразах полных слов типа *спать без задних ног*. В этом случае идиоматика (сочетаемостные ограничения) не выходит за рамки фраземы, тогда как в рассмотренном выше союзе сочетаемостные ограничения направлены, если можно так сказать, от фраземы, заставляя в общем случае бесконечный (то есть свободный) набор сопоставляемых единиц подчиняться определенным правилам.

Если принять указанные уточнения, то рассмотренная фразема включается в класс сочетаемостных полуфразем, по И.А. Мельчуку.

4. Предлоги *в продолжение, в течение, на протяжении* всегда интерпретируются как содержащие сему временной протяженности: *в продолжение встречи, в течение полета, на протяжении вечера*. Таким образом, все три предлога имеют в своем составе нетривиальную связанную сему и должны считаться фраземами.

Однако кроме этого предлог *в продолжение* (года, недели и т.д.) представляет интерес тем, что часть значения лексемы ПРОДОЛЖЕНИЕ (а именно указание на "начало", 'то, что располагается, следует непосредственно за чем-либо', по формулировке МАС [МАС, 3: 481]) уже не входит в значение этой служебной единицы, элиминируется из состава фраземы. Так, словосочетание *в продолжение всего вечера* интерпретируется как 'от начала до конца вечера, весь вечер', но не как 'начиная с какого-то момента в ходе вечера'. Как показывает этот пример, идиоматизация в сфере служебной лексики может приводить не только к появлению добавочного значения, но и к элиминации существующего.

5. Группа фразем, производных от деепричастий (*глядя по, несмотря на, невзирая на*), кроме очевидных модификаций в семантике "этимологических" деепричастий обладают еще одной интересной особенностью.

Как известно, субъект русского деепричастия должен быть кореферентен субъекту главного предиката. Однако для фразем *глядя по, несмотря на, невзирая на* и др. это правило не работает: ср. *Дом будет построен рабочими, несмотря на сложности с финансированием*. Указанные предлоги являются примером того, что при фразеологизации семантические или сочетаемостные правила (так же как и семы в случае 4) могут не только добавляться, но и устраняться.

6. Единица *друг друга*, которая выделяется в ряде грамматических описаний ([Зализняк 1967: 53; Русская грамматика 1979: 355, 521; Русская грамматика 1989: 210; Шелякин 2000: 109–110] и др.), является полной фраземой. Ни один нетривиальный компонент лексемы ДРУГ не задействован в образовании этого местоимения. Более

того, подвергается редукции и набор грамматических сем, в частности элиминируются грамматические семы числа [Зализняк 1967: 98], падежа (именительного [Зализняк 1967: 99]). Этот пример показывает, что фразеологизация может затрагивать не только лексическую семантику, но семантику грамматическую (анализ этого случая лишь подтверждает правоту ученых, относящих фразему *друг друга* к классу не существительных, но местоимений).

Итак, выделение в области служебной лексики многокомпонентных единиц, образованных в результате фразеологизации, позволяет отметить ряд особенностей: недискретность, неединственность описания [Мельчук 1997: 232; Мельчук 2001: 450]. Однако существует и ряд особенностей, возможно связанных именно с этими группами слов.

- В силу реляционной функции, которую выполняют многие служебные единицы, фразеологизация может проявляться не внутри оборота, а выходить за его рамки, навязывая определенные условия единицам, которые связывает эта служебная единица. При этом список полнозначных слов, вступающих в отношения реляции, открыт и его составляющие не могут считаться частью фраземы (*не только ... но и*).
- Связанным с первой особенностью можно назвать и способность служебных фразеологизмов менять параметры семантической сочетаемости, существующие у лексем в свободном употреблении (*несмотря на*).
- Фразеологизация служебной лексики проявляется не только в появлении дополнительных, связанных сем, но и в элиминировании части значения (*в продолжение*).
- Процессы фразеологизации могут влиять не только на лексический компонент в составе лексемы, но и на морфологический, добавляя те или иные особенности в морфологический облик единиц (*друг друга*).

Представленное выше краткое обсуждение фразеологической природы эквивалентов слова позволяет сделать два вывода. Во-первых, мы, безусловно, имеем дело с процессом фразеологизации языковых единиц, но этот процесс обладает некоторыми особенностями, вызванными служебной функцией данных конструкций. Во-вторых, разные степени фразеологизации эквивалентов слова говорят скорее об их истории, а не о том, какой статус имеют эти единицы в грамматической структуре современного русского языка. Указанные примеры показывают и реальную сложность, стоящую перед исследователями. Как кажется, ближайшие шаги в этой области должны быть направлены на выявление степени связанности компонентов, на классификацию служебных эквивалентов слова на этой основе. Только после этого можно будет сказать, какая часть единиц принадлежит к области языковой фразеологии, какая к области речевых клише и штампов. Все это позволит создать полноценные описания служебной лексики, так необходимой и в лексикографии, и в компьютерной обработке текста.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

IV. Эквиваленты слова как представители разных частей речи

Центральный вопрос при рассмотрении эквивалентов слова – это их частеречный статус. Как известно (см., напр. [Теньер 1988: 55, 62–63]), определение частей речи – более или менее нечеткая процедура по той причине, что одновременно используются критерии, которые могут в отдельных случаях противоречить друг другу: понятийные (содержательные), морфологические (комплекс морфологических категорий), словоизменительные (система парадигм) и синтаксические критерии (см., напр. [РГ 1980: 457]).

Рассмотрим разные группы эквивалентов слова, распределенные по частям речи. Как известно, части речи можно разделить на три большие группы по **двум** критериям: (знаменательность/незнаменательность, отсутствие/наличие флексии)¹⁷.

¹⁷ Мы не будем подробно анализировать междометия, составляющие особый разряд слов. Отметим только, что при их рассмотрении проблема эквивалентов слова значима в такой же степени, как, скажем, при рассмотрении предлогов, союзов или частиц.

А	Б	В
Знаменательные части речи		Незнаменательные части речи
Флексивные части речи	Нефлексивные части речи	
Существительные	Наречия	Союзы
Прилагательные	("Слова категории состояния"/"предикативные наречия")	Предлоги
Числительные		
Глаголы		Частицы
Местоимения		("Вводные слова и выражения")

С точки зрения грамматического описания частей речи в группе А приведенной таблицы требуют особого внимания местоимения. Более или менее очевидно, что те местоименные формы, которые состоят из более чем одного слова только в косвенных падежах с предлогом (*кое у кого, ни с кем, не к кому*), вряд ли можно считать представителями эквивалентов слова; они скорее примыкают к аналитическим формам словоизменения (ср. *буду читать, хотел бы* и др.)¹⁸. Что касается других местоименных конструкций, нужно задаться вопросом, можно ли их вообще считать местоимениями. Более или менее явных случаев – таких, которые упоминаются в грамматиках, – только несколько: *такой же самый, тот же, друг друга, тот самый, между собой* и некоторые другие¹⁹. Последняя конструкция отличается от других, "классических" местоимений неспособностью к словоизменению, однако известно, что неизменяемость ряда существительных (*кофе, пальто*) и прилагательных (*люкс, беж*) не исключает их из соответствующих классов. В поддержку того, что *между собой* – местоимение, можно отметить его семантическую близость к местоимению *друг друга*. Следующая группа слов типа *кто попал, кто придется, что угодно, что хочешь / хотите, мало кто* напоминает по своей структуре (и в какой-то мере и по семантике) двойные местоимения с несклоняемой первой (или второй) частью (*кто-нибудь, никто*). Таким образом, есть основания считать их местоимениями. При этом, однако, следует отметить, что такое решение приводит к вопросу, являются ли такие же конструкции допустимыми при всех вопросительных местоимениях (*какой, чей, сколько*), а также при наречиях (*где, куда, откуда, когда, как*). Если наличие соответствующего слова является главным критерием для того, чтобы считать какую-либо конструкцию эквивалентом слова, то выражения *своего рода, такого рода, подобного рода* можно условно отнести к местоимениям благодаря слову *такой*, хотя сильной интуитивной поддержки такое решение не получает. Отметим также, что в словаре [Объяснительный словарь 2002] из этих конструкций отмечается только *такого рода*.

Единицы группы Б представляют особую группу в составе знаменательных частей речи. Так, и наречия, и предикативы почти не изменяются, и в этом смысле ученые лишены морфологических критериев для выделения этих частей речи²⁰. С дру-

¹⁸ После дискуссий 1950–1960 годов и полемики с известным тезисом И.А. Смирницкого о цельнооформленности слова можно считать вопрос об аналитических конструкциях более ясным (см. особенно [Панов 1956]).

¹⁹ См. [Русская грамматика 1979: 359–361, 521; Русская грамматика 1989: 210; Шелякин 2000: 109–110, 113; Wade 2000: 156, 167].

²⁰ Словоизменение, как известно, проявляется только у некоторых наречий и предикативов в формах степеней сравнения, вопрос о наличии аналитических временных форм у предикативов не может считаться решенным.

гой стороны, наречия не занимают монопольного положения в структуре предложения: типичная для них обстоятельственная позиция регулярно занимает и другими частями речи (*Он приходил к нам вечером / вчера / в понедельник / на прошлой неделе*). Таким образом, при выделении наречий не отмечается такой прямой связи между синтаксической функцией и частеречными характеристиками, как у слов группы В. Однако другой критерий частеречной классификации – семантический ("обобщенное значение, характеризующее все слова той или иной части речи", как отмечается в [РГ 1980]) – позволяет оперировать достаточно строгими критериями и отделять в контексте наречия *вдаль, наверх*, например, от предложно-падежных сочетаний *в даль* и *на верх*. Таким образом, ведущими классообразующими критериями для наречий необходимо считать единство общекатегориального значения и синтаксической функции. Исходя из этого, единицы типа *где угодно, до смерти, на цыпочках* и другие вписываются в круг единиц, относящихся к наречиям. Очевидно, что перечень таких единиц требует переоценки, о чем говорит и тот факт, что списки наречий – эквивалентов слова в словарях [Рогожникова 2003; Ефремова 2001] различаются в три раза.

Что касается слов категории состояния (предикативных наречий), то они, в основном, восходят к наречиям. Их можно было бы считать не отдельной частью речи, а отдельным случаем употребления наречий в особой синтаксической функции (как это и делается в [РГ 1980]). Однако употребление слов категории состояния представляет специфическую синтаксическую функцию, и поэтому "этимологические" наречия, выступающие в этой роли, допустимо выделять в отдельную категорию так же, как мы поступаем при рассмотрении "наречий" в функции предлога (*вокруг, возле*). Впрочем, на равных основаниях допустимо и рассмотрение предикативов как наречий, но это потребует переинтерпретации частеречных характеристик класса наречий, в частности эксплицитного включения в признаки класса указания на предикативную роль в предложении.

Перейдем к рассмотрению частей речи группы В. Они отличаются друг от друга прежде всего на основе синтаксических функций: "Предлоги, союзы и частицы – это служебные, т.е. лексически несамостоятельные, слова, служащие для выражения различных синтаксических отношений (предлоги и союзы), а также для образования аналитических форм или для выражения синтаксических и модальных значений предложения (частицы)" ([РГ 1980. II: 457]; ср. [Зализняк 1977: 7]).

В связи с этим служебные части речи определяются по выполняемой синтаксической функции. Хотя иногда употребляются выражения типа *слово X употребляется в функции союза*, в общих чертах верно утверждение: союзами (как часть речи) считают слова (конструкции), которые выполняют синтаксическую роль союза.

Так, на наш взгляд, традиция считать союзами и предлогами также эквиваленты слова, вполне приемлема²¹. Однако, если поступать последовательно, такое толкование приведет к существенным изменениям в теории частей речи в русском языке: необходимо признать, это не "самые крупные грамматические классы слов", а самые крупные грамматические классы слов и эквивалентов слов. Более того, если мы принимаем первичность синтаксической роли при классификации слов (как частей речи) группы В и если мы допускаем, что в этих функциях могут выступать и конструкции, состоящие из более чем одного слова, то решается и судьба вводных слов и выражений: подобно предлогам, союзам и частицам они употребляются в спе-

²¹ Другой вопрос, какие конструкции нужно считать эквивалентами слова. Например, нужно ли в эту категорию включать "союзы" с соотносительными словами типа *вследствие того что, в том отношении что, в результате того что, за исключением того что* и подобные? Рамки статьи не позволяют привести развернутые размышления на эту тему, но мы склоняемся к мысли, что подобные словосочетания не следует считать союзами.

циальной функции и заслуживают статуса отдельной части речи²². Естественно, этот вопрос в плане практически-описательном потребует еще серьезных усилий. началом этой работы могло бы стать сравнение списков в [Рогожникова 2003; Ефремова 2001], а также изучение коллокаций на основе частотных характеристик встречаемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы надеемся, что смогли убедить читателя в двух вещах. Во-первых, сложившаяся традиция практически игнорировать проблему эквивалентов слова – ситуация, которую нельзя считать удовлетворительной. Во-вторых, эквиваленты слова образуют пеструю группу единиц, которые требуют разных квалификаций. Кроме того, проводя такую работу, необходимо учесть одновременно и ряд других факторов, в том числе и интуитивное представление о статусе этих конструкций, а также лингвистическую традицию. С другой стороны, когда в метаязык научного описания вводятся новые единицы, необходимо подумать и о том, какие из них будут приняты в мире лингвистов. Надо помнить, что мы имеем дело не только с каким-то отдельным фрагментом терминологической системы: решение этого вопроса (каково бы оно ни было) приводит к существенным изменениям как в лексикографической, так и в "грамматографической" практике. В связи с принципиальностью рассматриваемого вопроса нам кажется, что до того, как принять окончательное решение, необходимо провести развернутую дискуссию по данной теме.

Напомним также о двух обстоятельствах, с которыми мы непременно сталкиваемся в лингвистической практике. Во-первых, имея дело с описанием такого сложного явления, как язык, вряд ли можно найти такое решение, преимущество которого можно доказать объективными критериями. Речь идет, скорее, о лингвистической традиции, в которой, безусловно, необходимо соблюдать такие принципы, как логичность, последовательность и доступность лингвистической классификации²³. Во-вторых, из-за вечной борьбы разных одновременно действующих внутренних сил в языке не образуются четкие классы и разряды единиц. В связи с этим в любом классе отмечаются прототипичные случаи и менее типичные, периферийные случаи, пересекающиеся с единицами соседнего класса²⁴.

В качестве исходных положений предлагаемой дискуссии выносим следующее.

1. Возможную квалификацию типовых случаев можно представить следующим образом:

- предлоги: *от имени, по вине, незадолго до, начиная с* и т.д.;
- союзы: *потому что, благодаря чему, и... и, чем... тем* и т.д.;
- частицы: *а вот и, ай да, разве что, как раз* и т.д.;
- междометия: *ах ты, надо же, вот это да, да уж* и т.д.;
- местоимения: *тот и другой, друг друга, кто угодно* и т.д.;
- наречия: *в конце концов, только что, главным образом* и т.д.;
- предикативные наречия (слова категории состояния): *не грех, к лицу, в радость, в моде* и т.д.

²² Ср. важное замечание В.С. Храковского по близкой проблеме аналитических форм: "При функциональном подходе для включения в словоизменительную парадигму глагольных форм, построенных на базе одного и того же лексического морфа, необходимо и достаточно, чтобы все эти формы выполняли одну функцию – выступали в качестве ядерного элемента в одной и той же конструкции. Состоит ли словоформа из одного компонента (цельнооформленная или синтетическая словоформа) или из нескольких (раздельнооформленная или аналитическая словоформа) при указанном подходе не является существенным" [Храковский 1965: 221].

²³ О критериях хороших лингвистических классификаций, см., например [Голубева-Монаткина 1999: 5–10].

²⁴ О разных типах пересекаемости (overlapping) категорий разного рода см. [Givón 2001: 29–34].

Нам кажется, что в лексикографической работе необходимо серьезно подумать о возможности принять новую практику и считать подобные случаи самостоятельными единицами словаря. При составлении бумажных словарей это означает выделение их в отдельные словарные статьи. При компьютерной обработке (составлении частотных списков лексики и лексических минимумов, например) такой подход позволит избежать одного существенного недостатка прикладной лексикографии. Когда единицей словаря фактически считаются только слова "от пробела до пробела", данные частотных словарей дают неправильное представление о частотности таких лексем, как *сожаление* или *течение*. Решение этой проблемы имеет своим следствием среди прочего и составление более адекватных речевой практике носителей языка лексических минимумов для учебных целей.

II. Как было отмечено выше, при составлении грамматики судьба данных конструкций имеет своим следствием прежде всего изменение частеречной классификации. Во-первых, добавив в дефиницию понятия части речи "разряд слов и эквивалентов слова", можно определить, что части речи могут состоять не только из однокомпонентных единиц, но и из многокомпонентных. Во-вторых, вводные слова необходимо выделить в отдельную группу на достаточном для служебных слов основании – особой синтаксической функции. Квалификация предикативов может быть решена (и уже решается) двояким образом, что отражает их реальное переходное положение.

III. Осталось прокомментировать в двух словах сам термин. В предложенной работе мы употребляли термин "эквивалент слова", который в современной литературе по русистике практически не используется, но у которого, как мы показали, есть свои исторические корни, и свои сторонники в настоящее время. Другой термин, который возможно закрепить в лингвистическом узусе, – "служебная/незнаменательная фразема". При этом выделение "эквивалентов слова" может предполагать широкий взгляд на устойчивые единицы в речи, тогда как **служебные/незнаменательные фраземы** предполагают более строгие процедуры выделения. Интересную возможность предоставляет и переинтерпретация понятия "лексема". Если лексема – мельчайшая единица словаря, то рассматриваемые конструкции можно считать лексемами. В принципе новое толкование научного термина "лексема" не такая сложная процедура, каким было бы переосмысление общеупотребительного "слово". Мы, однако, оставляем вопрос о термине открытым: решение этого вопроса требует более широкого обсуждения*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аналитические конструкции 1965 – Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965.
- Арутюнова 2000 – Н.Д. Арутюнова. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000.
- Богданов, Рыжова 1997 – С.И. Богданов, Ю.В. Рыжова. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб., 1997.
- Богуславский, Иомдин 1982 – И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин. Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 2. М., 1982.
- Вардуть 1965 – И.Ф. Вардуть. Слово как часть речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965.
- Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов. М.; Л., 1947.
- Виноградов 1986 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986 (Первое издание – 1947 год).

* Авторы статьи благодарят Л.А. Бирюлина и А. Никунласси за ряд ценных замечаний, высказанных при обсуждении данной статьи.

- Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров Язык, память, образ Лингвистика языкового существования М., 1996.
- Голев 1999 – Н.Д. Голев. Когнитивный аспект русской орфографии орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в тексике и грамматике. Новосибирск, 1999.
- Голубева-Монаткина 1999 – Н.И. Голубева-Монаткина. Классификационное исследование в лингвистике вопросы и ответы диалогической речи М., 1999.
- Дегтев, Макеева 2000 – С.В. Дегтев, И.И. Макеева. Концепт слово в истории русского языка // Язык о языке М., 2000.
- Дискурсивные слова 1998 – Дискурсивные слова русского языка опыт контекстно-семантического описания М., 1998.
- Ефремова 2001 – Т.Ф. Ефремова. Толковый словарь служебных частей речи русского языка М., 2001
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967
- Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М. 1977
- Жаринова 1989 – Т.Н. Жаринова. Формирование союза БОЛЬШЕ .. НЕЖЕЛИ // Синтаксические отношения в сложном предложении. Калинин. 1989.
- Жирмунский 1963 – В.М. Жирмунский. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов М.; Л., 1963.
- Историческая грамматика 1979 – Историческая грамматика русского языка Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979
- Колосова Черемисина 1987а – Т.А. Колосова, М.И. Черемисина. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987
- Колосова Черемисина 1987б – Т.А. Колосова, М.И. Черемисина. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. Новосибирск, 1987.
- Копотев, Мустайоки (в печати) – А. Мустайоки, М. Копотев. Принципы создания Хельсинкского аннотированного корпуса русских текстов (ХАНКО) в сети интернет // Научно-техническая информация. Сер. 2
- Кузнецов 1964 – П.С. Кузнецов. Опыт формального определения слова // ВЯ. 1964. № 5
- Кузнецова 1997 – Р.Д. Кузнецова. Отражение путей и способов образования союзов в их строении и функционально-семантических свойствах // Неоднозначные слова: история, семантика, функционирование. Тверь, 1997.
- Лайонз 1978 – Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978
- Левонтина 2000 – И.Б. Левонтина. Понятие слово в современном русском языке // Язык о языке. М., 2000.
- Лурия 1979 – А.Р. Лурия. Язык и сознание. М. 1979.
- Лучик 1999 – А.А. Лучик. Теорія і практика моделювання базових прислівникових еквівалентів слів російської мови // Наукові записки XVI Серія Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград 1999 (Доступно по адресу: <http://www.kspu.kr.ua/research/nauk/1/5.php3>)
- ЛЭС 1991 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1991
- Ляпон 1988а – М.В. Ляпон. Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // Язык система и функционирование. М., 1988.
- Ляпон 1988б – М.В. Ляпон. Лексикографическая интерпретация служебных слов // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре М., 1988.
- МАС – Толковый словарь русского языка В 4-х тт. М., 1981–1984.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. М., 1997.
- Мельчук 2001 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. IV. М., 2001.
- Мельчук, Жолковский 1984 – И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь русского языка Wien 1984.
- Морфологическая структура 1963 – Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
- Мустайоки 1980 – А. Мустайоки. Типы ударения имен существительных и их минимизация в учебных целях (= Ежегодник Института культурных связей между Финляндией и СССР. 26). Хельсинки, 1980.
- Объяснительный словарь 2002 – Объяснительный словарь русского языка Структурные слова предлоги, союзы, частицы, междометия. М., 2002
- Панов 1956 – М.В. Панов. О слове как единице языка // Уч. зап. Московского городского пед. ин-та им. В.П. Потемкина Т. 51 Кафедра русского языка Вып. 5 М., 1956.
- Русская грамматика 1979 – Русская грамматика Тт. I–II. Прага, 1979.

- Русская грамматика 1989 – Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Русский язык 1997 – Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Рогожникова 1983 – Р.П. Рогожникова. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.
- Рогожникова 1991 – Р.П. Рогожникова. Словарь эквивалентов слова. М., 1991.
- Рогожникова 2003 – Р.П. Рогожникова. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Тт. I–II. М., 1980.
- Скрипникова 1995 – Н.Н. Скрипникова. Служебная единица ИТО и ее функциональные эквиваленты в современном русском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1995.
- Смирницкий 1952 – А.И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Смирницкий 1954 – А.И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954.
- Соссюр 1990 – Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Сухотин 1950 – В.П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Телия 1996 – В.Н. Телия. Русская фразеология. М., 1996.
- Теньер 1988 – Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Храковский 1965 – В.С. Храковский. Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Шелякин 2000 – М.А. Шелякин. Справочник по русской грамматике. М., 2000.
- Ярцева 1955 – В.Н. Ярцева. Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Givón 2001 – T. Givón. Syntax. V. I. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Fillmore, Kay 1993 – Ch. J. Fillmore, P. Kay. Construction grammar coursebook. Berkeley, 1993.
- Fillmore, Kay 1999 – Ch. J. Fillmore, P. Kay. Grammatical constructions and linguistic generalizations. The what < X doing Y? construction // Language. 1999. V. 75/1.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 – Ch. J. Fillmore, P. Kay, M. O'Connor. Regularity and idiomacity in grammatical construction. The case of *Let alone* // Language. 1988. V. 63/3.
- Jackendoff 1995 – R. Jackendoff. The boundaries of the lexicon // Idioms: Structural and psychological perspectives. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK), 1995.
- Kay 1998 – P. Kay. An informal sketch of a formal architecture for construction grammar // http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg_arch.ps, 1998.
- Mel'čuk 1995 – I. Mel'čuk. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // Idioms: structural and psychological perspectives. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK), 1995.
- OED 1989 – The Oxford English dictionary. V. I–XX. 2nd. ed. Oxford, 1989.
- Wade 2000 – T. Wade. A comprehensive Russian grammar. Oxford, 2000.